

Кларины кораллы

*Общая газета,
— 1999, —
— 26 авг. — 1 сент.
— с. 14*

КЛАРА ГОЛИЦЫНА в дни недавнего юбилея буквально промчалась с десятком персональных выставок по лучшим выставочным залам Москвы.

Она — известный художник. Работы есть в Третьяковке, в других знаменитых галереях и в частных собраниях. «Зачем сразу столько выставок, Клара? — спросил я ее. — Не пытаетесь ли вы обогнать время?»

— Скорее наоборот, — грустно ответила она. — Я пытаюсь его вернуть.

Клара подвела меня к мужскому портрету. На нем был изображен красивый человек, полный сил: «Таким был мой Иван, когда пришел ко мне».

И рассказала историю своей любви.

Вскоре после войны юная Клара, студентка полиграфического института, забежала в кафе на Кузнецком — перекусить. За ее столиком беседовали двое мужчин, говорили о художниках, о каком-то Сергее Иванове. И Клара, боготворившая Александра Иванова, создавшего «Явление Христа», спросила: «Простите, разве был еще художник Иванов?» Один из мужчин, с угольными глазами, улыбувшись, ответил: «Да, был. Ивановых много, как Иванов. Меня тоже зовут Ивановом. А вас?» — «Клара». — «Значит вы та, у которой Карл украл кораллы?» — засмеялся он. И неожиданно серьезно сказал: «Не горюйте, я их верну». Всем существом потянувшись к этому «странному» человеку, Клара спросила: «Кто вы?» «Я странник, — произнес он. — Напишите мне свой адрес. Быть может, зайду».

Потом Клара работала художником-редактором в далеком Ду-

шанбе. И вдруг письмо от мамы, а в нем еще одно — от Ивана Голицына: «Привет от странника...»

— Я страшно удивилась, — вспоминает Клара. — И, как коза, запрыгала от радости, когда прочла: «Все эти шесть лет я хранил Вас в своем сердце».

Через год они поженились.

Он и в самом деле оказался «странником» — искал себя. Работал артистом в Московском гастрольном театре Драмы и Комедии. Клара целый год «гастролировала»

с мужем. Но он не хотел, чтобы она растрчивала себя, проживая не свою жизнь.

Иван оказался чрезвычайно требовательным. Иногда насильно усаживал ее за мольберт. А однажды сам взял в руки карандаш и краски, и выяснилось, что этот актер — прирожденный художник. Все его письма Кларе были о живописи. «Я понял, — писал он, — что рисовать, шутя, нельзя». «Хочу писать осень. Мечтаю, когда вместе поедем в багряный

«Иван», 1975

«Усталая Клара», 1978

лес...». «Знаешь, кажется, я стал чувствовать цвет. Вчера писал трех куриц — черную, белую и серую: ходят по огненно-рыжей земле...»

У Клары десятки портретов, написанных Ивановом. А она рисовала его.

— Почему вы так часто рисовали друг друга?

— Думаю, что это были своего рода признания в любви.

Однажды Клара предложила мужу — пусть он рисует всерьез, а она пойдет работать. Устроилась в «ящик» — иллюстрировать космические проекты. Стало в семье два художника. А потом явился и третий — мама Клары. Никогда в жизни даже не помышлявшая взяться за кисть, Елена Андреевна поразила всех внезапно брызнувшим талантом: с восторгом писала все,

что видела вокруг — деревья, цветы, собак...

А потом настал день, когда, создав свою последнюю «космическую поэму» — ракету, летящую из-за моря, Клара ушла из «ящика» и вернулась к любимым картинам. Они готовили семейную выставку, но из этого ничего не вышло. Клара осталась одна. Свидетель тех переживаний — «Мрачный» автопортрет, который хранится в Третьяковке. За последние два года Клара Голицына написала более двухсот новых вещей.

— Это как завешание, оставленное мне Ивановом и мамой, — говорит она. — С тех пор как их не стало, я пишу с такой страстью, с какой не писала даже в лучшие свои годы.

Леонид ЛЕРНЕР